

ДрБЗ.З
С 12

Вильям Савельзон

Оренбургская история в лицах

портреты на фоне эпохи

ВИЛЬЯМ САВЕЛЬЗОН

Op 63.3
С-12

Op 63.3

63.3(2Рос-40Рс)-8

Оренбургская история в лицах

Портреты на фоне эпохи

*Издание второе,
дополненное и переработанное*

2-296726
1/6

Оренбург - 2007

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ.Н.К.КРУПСКОЙ"

0

ПОСЛЕ СЛАВЫ

ЧЕРДИНЦЕВ Василий Макарович
(род. в 1927 году)

Сколько в свое время прославляли дважды Героя Социалистического Труда Василия Макаровича Чердинцева! Но вот в последние годы как отрезало, забыли о нем. Приезжаешь к нему в Сакмару - он виду, конечно, не подаст, но чувствуется, приятно ему, что вспомнили.

Александр Ильич Родимцев и Владимир Васильевич Карпов получили две золотые звезды за ратные подвиги. Юрий Викторович Романенко - за подвиги в космосе. Василий Макарович Чердинцев - за подвиги на хлебной ниве.

Кормильцев своих забывать - последнее дело. Сорок шесть сезонов без пропуска отработал он в поле. В последние намолачивал по 40 тысяч центнеров на комбайн. Не поленитесь, займитесь уважительной математикой, пересчитайте по намолоту, среднему за его хлебоборбскую жизнь, взяв пусть вдвое меньше - 20 тысяч. И получится около ста миллионов килограммов зерна!

А если считать в печеном хлебе, который, когда к Чердинцевым приезжаю, крупными крестьянскими ломтями нарезает к обеду Василий Макарович, - своем, испеченном Аграфеной Ивановной, вкусном, ноздреватом, с приятной кислинкой, на хмелевых дрожжах, то

выходит, что каждый - каждый! - житель огромной России получил чердинцевский килограмм.

Вы захотите проверить подсчет, что-то уж невероятно много выходит? Я тоже пересчитывал несколько раз, пока не убедился: все верно.

17 февраля 1989 года ехал он из своего села Сакмары в Оренбург и попал в страшную автокатастрофу. Дату эту поневоле запомнил: пять переломов, в том числе и таза. Тромб в легких, пневмония, отказывало сердце. Seriously опасались за его жизнь.

Первый год, когда Чердинцева не было в поле.

В военном 1943 году, наскоро окончив курсы, он шестнадцатилетним парнишкой впервые вывел комбайн в поле. Потом удалось поучиться в школе механизаторских кадров, вот и все его официальное образование. Но кто хоть раз поговорил с Василием Макаровичем, тот понял: это самородок, ум крестьянский, к знаниям жадный и оригинальный. Обо всем свое взвешенное мнение.

Если б не та катастрофа, может, он и до сегодняшнего дня работал на комбайне. Тоскует он по полю.

Слово "рекорд" из моды вышло ныне. Но все же сколько в стране опытейших и заслуженнейших комбайнеров, а рекорд Чердинцева, наверно, вряд ли кто побил. Кто еще намолотил за свою жизнь такую Хеопсову пирамиду зерна?

Много раз встречая его в страду и в Сакмаре, и в других районах области, особенно на целине, в Кваркенском районе, в совхозе "Кульминский", куда он ездил помогать, закончив уборку в своем небольшом районе, видел его знаменитую зеленую записную книжку. Пропыленную, потертую, с закладкой-соломинкой из свежей скирды. Там он коротко, но скрупулезно записывал все свои полевые годы: какой урожай был, где работал, сколько намолачивал.

В последнюю встречу попросил я его показать книжку. Василий Макарович неопределенно махнул рукой куда-то к чулану, поискать, мол, надо.

Но человек - не записная книжка, "на как-нибудь потом" жить нельзя. Жизнь - штука прекрасная, но очень уж короткая. И надо вовремя успеть воздать хорошему человеку хорошее.

В каких-нибудь ста метрах от чердинцевского дома, на главной улице Сакмары поставлен его бюст, дважды Герою положенный. Как и в бюсте Романенко, не очень удалось схватить живое выражение лица Василия Макаровича.

Как это по-нашему: монумент поставили - и ладно. А о человеке забываем.

Вспомнилось, как кто-то из больших, но бедствующих писателей пошутил о своем прижизненном памятнике: "Лучше бы мне деньгами выдали". Чердинцев не жалуется, но живут они с женой на скром-

ные пенсии, и хоть у него еще и геройские, инвалидские и прочие добавки. Все равно - не так обязаны мы отблагодарить кормильца, соизмерив, сколько он сделал для всех нас.

Но ничего, он в силах еще держать корову, телку, кур. Во дворе - тракторишко свой, у ворот на улице - прицеп. Купил плуг, культиватор, косилку. Само собой, сажает картошку, вместе с сыном Григорием взял 5 гектаров земли, половину засеял ячменем, половину залужил, посеял эспарцет и костер, чтобы было чем скотину кормить.

Не пропадет Василий Макарович, и не о своем хлебе насущном у него боль в годы, когда и старого уже нет, и новое толком не налаживается.

На сельском "пятакке" у магазина по вечерам тормозят его односельчане вопросами:

- Объясни, Макарыч, что делается? И что делать? Ты же вон как высоко был.

Тот, кто думает, что он весь в прошлом - дважды Герой, бывший член ЦК КПСС, лауреат Государственной премии, - тот ошибается. Нет, не озлобился, не бурчит. Природный крестьянский ум при нем. Певучим своим тенорком Василий Макарович рассуждает:

- Назад, к тому, что было, ходу уже нет. А как надо по-умному новое строить - не знаю, честно скажу. Растерянность чувствую.

Встряску прошлому делать надо было, это ясно. Но как? Разрушили систему. Хорошую ли, плохую ли, но систему. А новой все нет. Раньше стимулы в основном были принудительные. Например, пережжешь горючее сверх нормы - вычет. Теперь же, по идее, должен работать куда более мощный стимул: "Горючее - мое, потому и экономлю". Должен, но...

Нас, пацанов-комбайнеров председатель в военные годы гонял:

- Не дам быков отвозить зерно в ночь, а то знаю вас, вы и ночью работать будете. Надорветесь же! Не работайте, отдыхайте.

А сейчас в АО смотришь: в семь часов вечера в поле повезут ужин, трактористы или комбайнеры поужинали - и по домам. Это в страду-то! Конечно, на надрыве работать - это ненормально, надолго не хватит. Надо работать производительно.

И главное - ясной цели пока не видно. В войну я пацаном заменил на комбайне брата Мина, который ушел на фронт. Как тогда жили, лучше не вспоминать. Траву ели, опухали. Зарежешь последнюю овцу - часть мяса, шкуру, требуху должен сдать. Но была же цель: "Все для фронта, все для победы!" Цель сейчас нужна, пусть далекая, но цель.

Немало и просто всякой пьяни и бездельников, которым и раньше ничего в жизни не было нужно, кроме бутылки, и сейчас. Но и много людей работающих и совестливых, никуда они не делись и деться не могли.

Они свою цель видят. И фермеры появились в округе сильные, и целые хозяйства, такое, как "Хозяйство Шегурова", так зовут в районе соседний бывший колхоз, потом АО, а теперь товарищество на вере, которым руководит Василий Лаврентьевич Шегуров. У кого ни доходов, ни зарплаты, а у Шегурова и урожаи завидные, и платит хорошо и вовремя.

Во все времена все зависело от человека, а сейчас - особенно. Вот эта мысль и поддерживает в нынешней растерянности.

"Жить надо, жизнь идет" - это любимые слова Василия Макаровича. И идет эта жизнь не по красивой схеме. Лихой, красивый сын у Василия Макаровича - Григорий. Фамильный, чердинцевский размах, хорошее честолюбие, способность на поступок. Иной раз и безрассудный.

Как-то Василию Макаровичу доверили испытать на уборке новый комбайн, первый из серии "Дон". Привезли ужин, Чердинцев-старший вместе с заводским инженером-испытателем сели перекусить. А Григорию, он тогда был совсем молодой, страшно хотелось самому попробовать, что это за новый экспериментальный комбайн? Он улучил момент, забрался в кабину, завел - и двинулся по загонке.

Отец с инженером забеспокоились, кто это там вздумал гнать комбайн, с которого они чуть ли не пылинки сдували? Вскочили, побежали навстречу. Остановили, поругали за самоуправство а заодно и за то, что в соломе осталось зерно. Но Григорий на язык остер, сам перешел в наступление:

- Неважный комбайн ваш "Дон". Во сколько раз дороже простого "Колоса"? Раза в три? А производительность почти такая же. И нет моей вины в плохом качестве обмолота: не доведен еще этот комбайн, в таком виде не пойдет.

И верно, не скоро еще "Дон" пошел в серию.

А через несколько сезонов стал сын отцу на пятки наступать. Объявили областной конкурс на приз В.М.Чердинцева, так Григорий отцовский приз и завоевал.

И в поле показывал высший класс, и на съездах-конференциях выходил на трибуну. Парень видный, голова работает, говорить умеет. Стал он членом ЦК комсомола. Жизнь его по-другому пошла: окончил Высшую партийную школу, стал секретарем парткома. А когда разрешили частника, занялся коммерческой деятельностью и весьма преуспел. Так что не до конца получилась трудовая хлебоборбская династия, но это - жизнь. А вот другой сын Василия Макаровича, Александр, фермерствует.

И не лукавил Григорий, когда рассказывал после открытия в селе бюста отца:

- Я поначалу даже как-то стеснялся подойти близко, чтобы кто не подумал: купается, мол, в отцовской славе. И мы, братья и сестры,

тогда собрались и дали что-то вроде клятвы друг другу: ни в чем мы не должны уронить нашей фамилии. Такого отца, как наш, надо быть достойными.

Но уж очень несправедлива судьба к Василию Макаровичу. Только своя беда немного улеглась - умер любимый зять Василек. Забегает к бабушке и дедушке пообедать после школы внук, что остался без отца. Дедушка чуть ворчит, подтрунивает, но сколько боли и ласки в его взгляде! Прижмет к себе внука, погладит по белокурой голове, и оглянется, никто, мол, не видел, как я баловством внука порчу?

При каждой нашей встрече он любит возвращаться к той теме, что человек должен быть выше обстоятельств, что один только труд и врачует, и помогает жить по-людски.

Ему, в этом я сам много раз убеждался, многие завидовали:

- В президиумах сидит, по телевизору в "Голубом огоньке" со знаменитой актрисой танцует, звездами и орденами увешан!

А мне запомнилось начало октября не помню какого года. Хотел я взять у дважды Героя интервью к Дню работников сельского хозяйства. Приехал в правление колхоза:

- Где Василия Макаровича найти? Дома?

- Нет, он еще в поле. Осталось у нас большое поле люцерны на семена, пропадет ведь, снег уже. Вот мы и попросили его: "Макарыч, поработай, пожалуйста!"

Поехали искать. Колеса уазика с треском рвали ледок в колдобинах, пошел мокрый снег с ветром, залепляя ветровое стекло. Бр-р-р! И только через час нашли: работает в пустом поле на комбайне, надвинув кепку на уши, кутаясь в негреющую телогрейку очоленевший Герой, лауреат и прочая, и прочая, и комбайн, грохоча, заходит на следующий круг.

А ведь мог сказать председателю: "Я же сначала убрал почти все хлеба здесь, в своем колхозе, потом сколько наломался на целине. Хватит!"

Но - не сказал. Надо было - он и работал. А завистники сидели по теплым домам и водочку кушали.

Так работал он не только в Оренбуржье, как-то послали его с звеном помогать аж в Иркутскую область. Убирали хлеба под снегом, намучились, замерзли, вернулись больные, в чирьях. Но доработали до конца.

А к добросовестности у Василия Макаровича еще и светлая голова. К примеру, не зря у нас первые комбайны "Дон" называли "Тихий Дон". Мало кто в них верил. Но знал генеральный директор Ростсельмаша Песков, кому подарить первый комбайн - Чердинцеву: "Сохрани, изучи, подскажи, что и как переделать".

А потом, в Ростове, Василий Макарович выложил конструкторам и технологам кучу замечаний и предложений, как "Дону" перестать

быть "Тихим". И пошли одна за другой модификации этого комбайна в серию.

Поговаривали в Ростове, что "Доны" не для Оренбуржья: не загрузите, мол, не та у вас урожайность. А Чердинцев доказал, что жаткой ЖВН можно, умеючи, формировать достаточный валок. А кто к жатке ЖВН-6 приделал еще и безлафетную и за сезон скосил 850 гектаров? Кто додумался на комбайн СК-4 приделать второй бункер для зерна и тем самым поднять производительность на треть? Кто приезжал всем звеном на поля целинного совхоза "Кульминский" так, что со стороны нужна была только заправка людей едой-питьем, а комбайна - горючим? А все остальное - свое: и запчасти, и ремонт, и даже спальня в чердинцевской "Волге", в ней сиденья раскладывались, чтобы четверым можно было посменно вздремнуть.

Так работал Василий Макарович. Так работают такие, как он.

В летней кухне, где обычно обедаем, когда к нему заезжаю, на стене в большой рамке повывешенный уже плакат "Дважды Герой Социалистического Труда В.М. Чердинцев".

Парадный, пропагандистский. Зенит славы. Герой при всех наградах. Он же в поле. С сыном Григорием. С гармошкой в руках. (Один из бывших первых секретарей, узнав, что Василий Макарович играет, приказал прислать нескольких преподавателей, чтобы подготовить его к выступлению на концерте после какой-то партконференции, что и было сделано, хотя Чердинцев был против и очень смущался, что вокруг него такая шумиха).

А рядом, в красном углу, там, где полагается быть самому святому, истинному, - другая рамка. И в ней по-деревенски множество фотографий, сделанных к каким-то торжественным дням. Бородатые старшие поколения. Нынешние Чердинцевы. Подростняк. Хлеборобы и солдаты. Несуемое и непреходящее. То, что и до, и после славы.